

УДК 94(517.3)''1930''+94(571.151)''1930''
DOI 10.37386/2413-4481-2020-3-83-88

Н.В. Дьяченко

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

ВОССТАНИЯ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И КОШ-АГАЧСКОМ АЙМАКЕ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР В 1930 Г. КАК ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЫ

Исследование посвящено социально-экономическим причинам и основным событиям восстаний в Западной Монголии и сопредельном Горном Алтае в 1930 г. Восстания весной 1930-х гг. в Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротии стали следствием «левого курса», начатого в 1929 г. в СССР. В Монголии его проведение реализовала МНРП, руководствуясь распоряжениями советского правительства и Коминтерна. «Левый уклон», «левацкий эксперимент» включал коллективизацию, усиление налогового нажима и антирелигиозную кампанию. Программа предусматривала, прежде всего, экономические меры, но поскольку важной экономической единицей являлась буддийская церковь, политика коллективизации оказалась сопряжена и с ней.

Ключевые слова: буддийская церковь, восстания, кам, коллективизация, Монголия, Кош-Агачский аймак, Ойротия, Коминтерн.

N. V. Dyachenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

IN WESTERN MONGOLIA AND KOSH-AGACH AIMAK OF OIROT AUTONOMOUS REGION IN 1930 AS CONSEQUENCES COLLECTIVIZATION AND ANTI-RELIGIOUS STRUGGLE

The study is devoted to socio-economic reasons and the main events in Western Mongolia and the neighboring Altai Mountains in 1930. The uprisings in the spring of the 1930s in Mongolia and Kosh-Agach Aimak of Oirotiya were the result of the "leftist course" that began in 1929 in the USSR. In Mongolia, its implementation was carried out by the MPRP, guided by the orders of the Soviet government and the Comintern. "Left deviation", "leftist experiment" included: collectivization, increased tax pressure and anti-religious campaign. First of all, the program provided for economic measures, but since the Buddhist church was an important economic unit, the policy of collectivization turned out to be associated with it.

Key words: Buddhist church, uprisings, kam, collectivization, Mongolia, Kosh-Agach Aimak, Oirotiya, Comintern.

Решение об уничтожении буддийской церкви в Монголии было принято не сразу после национально-демократической революции 1921 г. Как свидетельствует записка секретаря Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) Б.З. Шумяцкого В.И. Ленину от 2 ноября 1921 г. с характеристикой политического положения: «...Хутухту, как земного бога и владыку (Богдо-Хана), мы рекомендовали Нарревпартии не трогать, а превратить его в конституционного монарха без светской власти (без права veto, без права распоряжения армией, финансами и др.), с тем, чтобы без формального разрыва и с должным тактом утвердить над теократией приоритет новой власти, власти буржуазно-демократических сил» [1, с. 43]. Данная установка была принята монгольским правительством, Монголия объявлялась ограниченной монархией во главе с богдо-гэгэном вплоть до его

смерти в 1924 г. В дальнейшем политический курс в отношении церкви становится более жестким. В 1926 г. был принят закон об отделении религии от государства, не предотвративший экономические антицерковные мероприятия, в первую очередь налоговые взимания.

Важнейшей задачей МНРП и Коминтерна стало разложение ламства и ослабление его влияния на население. В сентябре 1929 г. по образцу СССР президиум ЦК МНРП принял постановление о создании колхозов и госхозов. Из Улан-Батора уполномоченный Коминтерна М.И. Амагаев телеграфировал в октябре 1929 г. о том, что население активно поддерживает конфискацию и бедняцко-средняцкие массы на собраниях высказываются за расширение конфискации. Однако налоговая политика разоряла богатых лам и принуждала рядовых монахов переходить в светское сословие.

Налогообложению подлежал не только скот, но также и основное имущество – предметы религиозного культа. Кроме того, существовали иные формы налога – так называемые военные, бюджетные и т. д.

Монгольский исследователь, профессор Чулуун Дашдаваа, говоря о социально-экономическом кризисе начала 1930-х гг., отмечает: «...за 3 года 6 месяцев (с конца 1928 г. до середины 1932 г.) была осуществлена конфискация имущества феодалов и монастырей, обобществлены средства производства путем коллективизации аратских хозяйств и ликвидации частных предприятий в сферах обслуживания, торговли и транспорта. ...В пятилетний план были включены такие задачи, как переход аратских хозяйств к оседлости, выпуск средств производства внутри страны, обеспечение страны собственным хлебом за счет развития земледелия и т. д. Суть административных методов управления была доведена до абсурда. Важнейшие проблемы жизнеобеспечения страны стали решаться путем проведения различных кампаний, принудительных и насильственных мер». К последствиям такой политики автор относит: сокращение скота почти на 7 млн голов, товарный голод, снижение уровня жизни народа, что привело к подрыву авторитета партии и государства среди народных масс [2, с. 142].

С начала марта 1930 г. методы проведения коллективизации становятся все более радикальными. 7 марта управление аймака Чандмань-ула опубликовало распоряжение МВД, по которому «допускается принудительное вовлечение бедняцко-средняцкого аратства в колхозы». Из хошунов поступили запросы о молодежи до 18 лет, живущей в монастырях. На это аймачное управление отдало распоряжение о принудительном выселении. В хошуне Тугсбуянт-ула аймака Чандмань-ула была создана коммуна из 100 юрт, весь скот хошуна коллективизировали, у феодалов конфисковали имущество и раздали. Следствием «левого курса» стали массовые восстания в Монголии в начале весны 1930 г. С недовольными ламами Тугсбуянта установили контакт бывшие местные феодалы. Была установлена связь с повстанцами Тувы, которые обещали поддержку [3, с. 54].

В период с 25 по 30 марта 1930 г. проходило восстание в монгольских хошунах Северо-Западной Монголии (ныне граничащих с Тывой): Тугсбуянт, Улангом и Баян-Мандал. Все началось с внезапного нападения 40 лам Тугсбуянта на учреждение хошуна и ареста там 10 госслужащих. Они захватили также отделения Монценкопа и

Стормонга, используя их для снабжения, разослали гонцов с призывом о помощи. Немедленно прибыли чиновники и некоторые араты. 27 марта повстанцы Улангома, вооруженные дубинами, арканами, ножами, двинулись к хошунному управлению. Уполномоченный ГВО «совместно с организациями принял надлежащие меры, и прибывшие ламы были немедленно арестованы». В результате подавления восстания были расстреляны 19 руководителей: 14 лам, 2 феодала и 3 арата. К заключению от 1 года до 10 лет приговорили 12 человек: 9 лам и 3 мирян. Амнистировали и приговорили условно 86 человек: 81 ламу и 5 аратов [3, с. 56].

Несмотря на жестокое подавление восстания, монгольское правительство признало «перегибы» в колхозном строительстве и антирелигиозной борьбе. В циркулярном письме ЦК МНРП и ЦК ревсомола «О работе среди ламства» от первой половины мая 1930 г. меры правительства были названы «перегибами», которые «не только не решают задачу, но, наоборот, чрезвычайно затрудняют ее решение», при этом сохранялся курс на враждебность революции и партии буддизма, как и любой религии. В этом же году был создан Союз безбожников МНР по образцу и при содействии Союза воинствующих безбожников СССР.

В дальнейшем Коминтерн активно вмешивался в антирелигиозную кампанию в Монголии, что можно проследить по ряду директив, сохранившихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГА-СПИ) от 1930–1931 гг. В документе от 25 июля 1930 г. указывалось: «Проводить политику дальнейшего расслоения ламства и противопоставление лам-бедняков контрреволюционной, связанной с феодалами и иностранными силами верхушке. Поощрять свободный выход ламской бедноты в светское состояние». В этом же документе содержится рекомендация «обеспечить правильную политику по отношению к основным массам крестьянства и особенно к середняцким массам... в устранение всех перегибов» [4, л. 2]. Продолжение этой политики привело к крупнейшему народному восстанию на северо-западе и западе в 1932 г., откочевке населения за границу. На подавление восстаний были брошены армейские части, а руководство страны было вынуждено отказаться от радикальных социально-экономических преобразований.

Антирелигиозная компания в СССР имела не меньший размах: по конституции РСФСР, подкрепленной инструкцией президиума ВЦИК от 4 ноября 1926 г., все служители религиозных куль-

тов были лишены избирательных прав. С 1928 г. также усилилась борьба с буддизмом в Калмыкии и Бурят-Монголии. Одним из факторов этого была начавшаяся коллективизация сельского хозяйства.

24 января 1929 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло резолюцию «О мерах по усилению антирелигиозной борьбы». В ее контексте президиум ВЦИК 8 апреля 1929 г. издал постановление «О религиозных объединениях», ограничивавшее их деятельность. Духовенство и население проявляли недовольство, в Бурят-Монголии отмечалось участие лам в вооруженных выступлениях против коллективизации. В Калмыкии было введено несколько налогов на буддийское духовенство еще до 1930-х гг., а с 1930 г. вводились новые. У ряда лам имущество конфисковалось, многие вынуждены были уходить в мир.

В приграничных с Монголией районах азиатской части Советского Союза – Ойротской автономной области, где проживали казахи, теленгиты и русские, реакцией населения на насильственную коллективизацию стали не только восстания, но и стремление к миграции через Монголию в Китай. Южная часть Ойротской автономной области граничила с Западной Монголией и Казахской ССР. При этом казахи и теленгиты кочевали в российско-монгольском приграничье, как и на соседних территориях Казахстана и Китая. В конце 1920-х гг. лишь казахи, теленгиты и русские (оставшиеся после эмиграции в Гражданскую войну) Китайского Синьцзяна имели возможность сохранять традиционный образ жизни и не были подвергнуты радикальным социальным экспериментам в рамках социалистического строительства. В ходе проведения антирелигиозной кампании и коллективизации камы (шаманы), ярлыкчи (служители бурханистского культа) и зажиточные крестьяне (баи) были лишены избирательных прав, утратили возможность участвовать в выборах сельских Советов, что усугубляло недовольство этой части населения. Маршрут эмиграции, как правило, проходил следующим образом: «пересечение советско-монгольской границы (часто сначала бежали в г. Кобдо), затем переход в провинцию Синьцзян, в г. Шара-Сумэ (или его окрестности), где и оставались на постоянное местожительство» [5, с. 258].

Ойротский областной отдел ОГПУ в 1929 г. взял на особый контроль эмиграционное движение на территории Кош-Агачского аймака Ойротии. По данным отдела, в конце 1929 г. на территории Кош-Агачского аймака Ойротии бай – глава рода Саргалдак – Акинов Сагиль

создал казахскую контрреволюционную группировку баев, в момент ликвидации которой часть руководителей (влиятельные баи Чамов Минат, Эрежепов Абделькерим) бежали через Монголию в Синьцзянскую провинцию Западного Китая. Связавшись с «создавшимся там к этому времени контрреволюционным националистическим центром казахской эмиграции, возглавляемым алашордынскими лидерами Раимджан Марсаковым, князем Алэн и др. (происходит из Казахстана), Чамов и Эрежепов повели работу по организации эмиграции с территории Кош-Агачского аймака» [6, с. 106].

В ноябре 1929 г. Акинов Сагиль и еще около десяти человек были арестованы Ойротской пограничной комендатурой, начались допросы обвиняемых и свидетелей, среди последних были и граждане МНР. 7 февраля 1930 г. Особая Тройка вынесла Акинову Сагиле и еще троим баям приговор – расстрелять и имущество конфисковать. Шестеро обвиняемых были осуждены к заключению в концлагерь сроком на три года. 8 марта 1930 г. осужденных баев должны были отправлять из Кош-Агачского аймака в Бийск с последующим выселением на север. Однако оставшиеся на свободе баи и крепкие середняки из рода Саргалдак решили освободить арестованных путем вооруженного восстания, которое возглавили имам Урмамбеков Исхак и бай Чукаев Джумус. Восставшие совершили нападение на председателя Казахского сельсовета. По прибытии автомобиля опергруппы Ойротской пограничной комендатуры к Казахскому сельсовету, по команде Чукаева Джунуса было совершено нападение с целью уничтожения и обезоруживания опергруппы. В результате произошла перестрелка, во время которой один из восставших был убит и трое ранены [7, с. 214]. В результате ликвидации восстания часть участников, во главе с Чукаевым, бежала в Монголию. Всего за границу ушли более ста человек, которые, как правило, в Монголии останавливались у своих родственников. Показательным является сюжет, когда представитель Монгольской Народной Республики 28 марта 1930 г. на пограничном пункте Ташанта выдал представителю Ойротской автономной области выдворенных из МНР 96 казахов, бежавших 8 марта из Кош-Агачского аймака в результате неудачного восстания [7, с. 214]. После подавления восстания Ойротский областной отдел ОГПУ начал аресты участников. Осенью 1930 г. и в течение 1931 г. прошло несколько заседаний Особой Тройки при ПП ОГПУ (Полномочное представительство Объединенного государственного политического

управления) по Западно-Сибирскому краю, положивших начало политическим репрессиям, преимущественно в отношении баев и кам.

В архивно-следственных делах Отдела спецдокументации Государственного архива Алтайского края сохранились материалы обвинительного заключения «Контрреволюционной повстанческой организации в Кош-Агачском аймаке Ойротской области». Среди прочего упоминаются обвинения кам в посредничестве передачи информации о возможности миграции в горы как избавления от налогового гнета. По показаниям одного из обвиняемых, в декабре 1929 г. кам Диду Бодон ездил камлать по Чуйскому тракту в Онгудайский аймак, а по возвращении односельчанин пришел узнать, не привез ли кам табак. При встрече с односельчанами кам рассказал, что полтора месяца камлал по Чуйскому тракту и слышал, что народ бежит в горы, говорят об этом скрытно, только надежным людям, но стараются уйти до весны в ожидании новых налогов [8, л. 275].

В разделе отчета ОГПУ «Личный состав и построение контрреволюционной организации» среди виновных перечислены, как правило, баи и камы, лишь незначительное число середняков, национальный состав: казахи, теленгиты, русские. Один из обвиняемых, казах Альпиев, показал, что кам Торкраев и Челтуев Куга – главный кам, «...который у них считается так же как у нас казак... имам... ведут агитацию среди теленгит» [8, л. 282–283]. Религиозный фактор в организации восстания более подробно изложен в разделе отчета «Практическая деятельность контрреволюционной организации» в параграфе «Использование байско-камского влияния на население, а также религиозных предрассудков масс». По показаниям одного из обвиняемых: «...Осенью 1930 г. Бодон камлал в айле... (не по болезни, а просто молебствие), где он говорил: “Я вижу кровь, должно быть большое волнение, советская власть должна быть свергнута, прежние законы воротятся, богатые возьмут верх и жизнь будет по-прежнему, власть придет с Востока, которая сметет красных”». По оценке автора, на камлании было много народа [8, л. 302]. В резолюции отчета ОГПУ указан список из 17 человек, признавших себя полностью или частично виновными, среди них есть отмеченные как «в прошлом сын кама», «в прошлом: сын крупного кулака».

Материалы российских архивов об откочевке казахов в 1930 г. подтверждаются данными архивов Монголии. В.Г. Дацышен в работе «Бегство за Алтай. Взаимодействия между казахами Ойротии и Монголии в 1930–31 гг.» анализиру-

ет документ «О намерении киргиз к уючевке за Алтай», составленный в г. Улан-Хуса. В документе говорилось: «В октябре и в ноябре 1930 года, во время перевыборов Черучинского хошунного управления были две попытки к побегу за Алтай (в Син-Цзянскую провинцию Китая) населения, живущего в Черучинском хошуне в местности “Уйхор”» [9, с. 154]. Собиралось к побегу аулов 45 или приблизительно 200 юрт. В документе отражены и взгляды представителей власти на причины недовольства казахов: «Причиной стремления уючевать за Алтай киргизов является: районирование и укрепление хошунов, организация школы, парт. ревсомол, кооперация и прочие новшества. Виновниками чего являются главным образом перебежчики из СССР, казаки (киргизы) из Чуйского района, т. е. Ойратской автономной области, которые жили в Улан-Хусу весной 1930 года. Указанные перебежчики за свое короткое пребывание в Монголии агитировали, что в СССР с самого начала... конфисковали имущество на все 100 %, уничтожили религии, обычаи и быт, все это произошло изнутри нас же тогда, когда появились агитаторы партии... из России, что неминуемо произойдет у вас» [9, с. 156].

Одной из причин желания монгольских казахов выехать из Монголии в Китай был негативный опыт их соплеменников, пострадавших от советских репрессий. Для того, чтобы не допустить откочевки населения в Китай и в Монголию, в СССР было принято постановление ЦК «О мерах по укреплению пограничных районов», предусматривавшее выселение зажиточных кочевников из приграничья и создание «концлагеря с производственным уклоном» [9, с. 156–157].

Несмотря на суровые меры наказания, миграционные настроения в регионе сохранялись. В секретной справке Особого отдела ОГПУ по Западно-Сибирскому краю в Сибирский крайком ВКП(б) об эмиграционном движении на территории Кош-Агачского аймака Ойротии от 3 ноября 1931 г. отмечалось, что «...влияние зарубежного эмиграционного центра продолжает широко распространяться среди казакского (мусульманского) населения и, к настоящему времени охватило и теленгитское (языческое) население аймака, вопреки исторически существующей розни и религиозных различий у этих народностей Ойротии. ...Живучесть эмиграционных настроений среди казакского населения продолжает сохраняться и до сих пор охватывая даже соседний – Улаганский аймак...» [6, с. 107–108].

По данным Особого отдела ОГПУ на территории Кош-Агачского аймака в течение 1930 и

1931 г. было создано 4 контрреволюционные организации. Первая из них – «на территории Казакского сельсовета, с охватом 8-ми урочищ... проводила работу по подготовке свержения Соввласти в аймаке весной 1931 года, в расчете на вооруженную поддержку из-за рубежа (Запкитай), контактируя свою деятельность с аналогичной организацией в Казакстане, имея конечной целью создание автономного казакского государства на территории Казакстана, части Ойротии и Кобдосской провинции Монголии и в случае неудачи – уход в Китай с семьями и хозяйством. Организация ликвидирована в феврале 1931 года, было изъято 81 участник из коих: баев 24, зажиточных 11, середняков 35, бедняков 4, мулл 7. В процессе следствия отсеяно 23 середняка и 4 бедняка. Привлечено к ответственности 54 человека» [6, с. 107]. Вторая «аналогичная к-р (контрреволюционная – Н. Д.) организация создавалась тогда же на территории Чаган-Узунского, Джазаторского и Кош-Агачского сельсоветов, охватившая деятельностью 11 урочищ, часть из коих с теленгитским населением. Получая непосредственное руководство от Чамова, Эрежепова и Чукаева Д. из-за кордона, организация была увязана с Казакстаном и в низах, с организацией в Казакском сельсовете... имела те же установки по подготовке восстания в 1931 г. и откочевку всего состава в Китай, в случае неудачи. Ликвидирована в апреле 1931 года, было арестовано 47 участников: из коих баев – 6, камов (шаманов) – 6, зажиточных – 6, середняков – 20 (из них белобандитов – 4) и бедняков – 9. После отсева 8-ми бедняков, 11 середняков и двух зажиточных, привлечено к ответственности 26 человек» [6, с. 107]. Третья – «...на территории Курайского и Чибитского сельсовета аймака возникла в марте 1931 года, под влиянием отдельных участников организации Джазаторского сельсовета. Благодаря агитации против мероприятий Соввласти и распространению провокационных слухов кулацкой верхушки этих двух сел, в основном сбивающих «недовольных Соввластью» на откочевку в Запкитай, группировка к маю с. г. насчитывала в своих рядах 31 участника, из коих середняков – 16, бедняков – 3, зажиточных – 5, кустарей – 1, баев – 4, камов – 2 (в этом числе б/бандитов – 18). Все арестованы в конце мая с. г. из них привлечено к ответственности 15 человек» [6, с. 107–108].

Четвертая организация была создана «в течение июля с. г. по инициативе родственника бая Бапынова М. при активном участии колхозника, б. канд. ВКП(б) Тауканова, в основном из отсеянных по вышеуказанным организациям казаков, была создана к-р эмиграционная группировка,

возникшая под руководством Чамова и Чукаева из-за кордона, которая быстро проведя оргработу 30/VIII – направилась в Монголию со всем хозяйством и семьями. При попытке перехода границы было задержано 17 человек, все колхозники, по соц. положению, 9 бедняков и 8 середняков, как установлено следствием с агитированные на откочевку Бапыновым и Таукановым, усиленно распускавших слухи о значительно лучшей жизни в Китае. После соответствующей обработки освобождено 12 человек остальные привлекаются к ответственности (все середняки, в том числе два б. члена ВКП(б)» [6, с. 108]. Помимо этих организаций в ноябре 1931 г. оставалась в разработке Особого отдела ОГПУ «...группировка в 7-ми населенных пунктах Чаган-Узунского, Джазаторского и Кош-Агачского сельсовета аймака, охватившая деятельностью 24 человека... Группировка посылала своих проверенных людей в Монголию для выяснения возможности проведения откочевки через Монголию в Китай» [6, с. 108].

Как уже упоминалось выше, миграция как реакция на коллективизацию и антирелигиозную кампанию была характерна и для монгольского населения. С.Л. Кузьмин в монографии «Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века» отмечает: «После подавления восстаний на западе Монголии в 1930 г. бежавшие в Синьцзян феодалы и теократы энергично приступили к налаживанию контактов с киргизскими, урянхайскими, торгутскими, китайскими чиновниками. ...В целом, в 1930–1932 гг. за границу ушло более тысячи домохозяйств – больше 10 тыс. чел. из района Дариганга, хошунов гобийского Мэргэнвана, Тушэту-вана, Балдан-Дзасакту, Уйзэн-вана, Джонон-вана, Ёст-бэйлэ, Итгэмжит-бэйсэ, Дзасакту-хана, Урянхан-дайчин-вана, Джамби-гуна, двух хошунов алтайских торгутов из районов Кобдо и Булган-Урянхая, с монастырских территорий Ламын-гэгэна и Эрдэнэ-Мэргэн-нойон-хутухты. Они откочевали в Шилингол, Уланцаб, Чахар, Алашань, Эдзин-гол (Внутренняя Монголия), Ма-Цзун-Шань (провинция Ганьсу), Шара- и Хара-Еохор и в Синьцзян» [10, с. 304].

Советским и монгольским руководством в качестве одной из причин восстаний уже в феврале-марте 1930 г. были определены «перегибы на местах» – насильственные методы коллективизации. После публикации в газете «Правда» от 2 марта 1930 г. статьи Сталина «Головокружение от успехов» начались выявления «перегибов» в регионах. С 13 по 17 марта 1930 г. в столице Ойротии г. Улала проходил чрезвычайный пленум Ойротского областного комитета и контрольной ко-

миссии ВКП(б), рассматривавший вопросы «Об извращении линии партии Ойротской парторганизацией в деле коллективизации и ликвидации кулачества, как класса». В постановлении пленума обозначено: «не снимая с себя ответственности за допущенные извращения политики партии и решительно осуждая ошибки руководства, объединенный Пленум считает, что непосредственные виновники этих извращений должны быть привлечены к суровой ответственности», однако дальнейшее содержание документа поясняет, что работа против баев должна быть продолжена. К «перегибам» пленум отнес подрыв союза с середняком «в результате нарушения принципа добровольности в колхозном движении и допущения случаев «окулачивания» и «раскулачивания» середняка» [6, с. 61].

В этот же период началась политика восстановления раскулаченных хозяйств, ошибочно отнесенных к кулацким. В постановлении бюро Ойротского обкома от 19 марта 1930 г. «Об исправлении перегибов в деле раскулачивания» отдавалось распоряжение: «Восстановлению подлежат все средняцкие, бедняцкие хозяйства также служителей культов, прочих лишенцев, если они не являются кулацкими» [6, с. 71]. В сводке «О восстановленных раскулаченных хозяйствах Ойротской области» от мая 1930 г. отмечалось, что в Кош-Агачском аймаке всего восстановлено 8 раскулаченных хозяйств, из них 2 середняка, 4 кулака и 2 лишенца. Согласно

сводке, имущество ранее раскулаченных было возвращено полностью [6, с. 81].

В целом, несмотря на некоторую трансформацию политического курса в отношении служителей культа и зажиточных крестьян, социалистическая модернизация в первой половине 1930-х гг. в Монголии и СССР продолжалась форсированными темпами. К 1932 г. «левый курс» в Монголии достиг апогея. Как уже упоминалось, в этом году в Монголии развернулось самое масштабное в XX в. вооруженное восстание, переросшее в гражданскую войну.

Таким образом, коллективизация, усиление налогового нажима и антирелигиозная кампания стали основными причинами восстаний в 1930 г. в Западной Монголии и Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области. 8 марта 1930 г. в Кош-Агачском аймаке Ойротии произошло нападение на председателя Казахского сельсовета и опергруппу Ойратской пограничной комендатуры, расцененное ОГПУ как «вооруженное восстание» и началась миграция казахского населения в Монголию. С 25 по 30 марта 1930 г. проходило восстание в монгольских хошунах Северо-Западной Монголии. Синхронность событий не случайна, документы архивов России и Монголии свидетельствуют об общих проблемах в регионе, связанных с конфискацией скота, переводом служителей культа в светское состояние и пресечением попыток миграции в Китай.

Библиографический список

1. Роцин С. К. Политическая история Монголии (1921–1940): монография. М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.
2. Дашдаваа Ч. Роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3. С. 138–143.
3. Кузьмин С. Л. Западно-монгольское восстание 1930 г. в защиту религии // Религиоведение. 2015. № 1. С. 53–59.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 9.
5. Шишкина И. А. Архивно-следственные дела как источник по истории политических репрессий казахов Ойротской автономной области в первой половине 1930-х гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 256–259.
6. Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.): сборник архивных документов и материалов / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2017. 272 с.
7. Шишкина И. А. Вооруженное восстание казахов 8 марта 1930 г. в Кош-Агачском аймаке Ойратской автономной области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. Ч. 1. С. 213–215.
8. Отдел спецдокументации Государственного архива Алтайского края (ОСД ГААК). Ф. Р. 2. Оп. 7. Д. 19049.
9. Дацышен В. Г. Бегство за Алтай. Взаимодействие между казахами Ойротии и Монголии в 1930–31 гг. // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля Сергея Порфирьевича Швецова. Горно-Алтайск, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 151–159.
10. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века: монография. М.: ООО «Товарищество научных изданий КМК», 2016. 496 с.